

Константин КОРОТОВ, генеральный директор «Корпорации развития Камчатки»

Есть события прошлого, которые наш народ, вопреки неумолимому ходу времени, воспринимает в силу их значимости и огромного влияния на исторический процесс как современность. Именно к таким событиям, на мой взгляд, относится битва за Москву. У стен советской столицы в противостоянии между Красной Армией и вооруженными силами гитлеровской Германии 80 лет назад решалась судьба не только нашего Отечества, но и всего мира.

Мне это одно из самых кровопролитных, самое непредсказуемое и невероятное по своему итогу и для противника, и для наших союзников сражение Второй мировой войны близко и интересно еще и по той причине, что я коренной москвич. Житель города, после поражения у стен которого прозорливым германским политикам и генералам стал очевиден общий исход войны. Красная Армия победила вопреки всем классическим канонам военной науки, расчетам соотношения сил и средств и просто логике предшествующих битве событий, когда за каждым очередным катастрофическим поражением советских войск летом и осенью 1941 года следовало еще более сокрушительное...

Генерал Гальдер: «События развиваются удовлетворительно»

В Берлине уже провозгласили победное завершение восточной кампании. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер в часто цитируемом сегодня его военном дневнике еще 20 ноября 1941 года фиксирует успешное продвижение гитлеровских войск практически по всему фронту. Оно не такое стремительное, как в предыдущие месяцы, но немецкий генерал поводов для беспокойства не видит. В полосе группы армий «Центр», записывает он, «сопротивление противника незначительно, а на некоторых участках вовсе отсутствует». Разведка ничего ему не докладывает о сосредоточении резервов русских восточнее Москвы.

На следующий день генерал сообщает о захвате Ростова. Растущее число контратак Красной Армии на всех участках гигантского фронта, протянувшегося между Баренцевым и Черным морями, Гальдера не пугает: «Особой опасности для наших войск пока не существует». И если в записках генерал и упоминается об активности

неприятеля, то лишь для того, чтобы подчеркнуть доблесть немецких войск: «Гудериан доложил по телефону, что его войска выдохлись. 2-я танковая армия действительно ведет бои на широком фронте, однако в конечном итоге эти бои проходят успешно, и наши войска повсюду теснят противника».

И вдруг всё начинает ломаться. Вначале на юге. 29 ноября советские войска освобождают Ростов. Потом на севере. Красная Армия начала медленно, но неуклонно продвигаться к Тихвину. На московском направлении Гальдер теперь не ждет решающих побед, но, как прежде, оно тревоги не вызывает: «Возможные перспективы операций группы армий «Центр» еще не так отчетливы. Однако уже теперь можно сказать, что самое большее, на что можно рассчитывать, это подойти северным флангом группы армий к Москве и занять 2-й танковой армией излучину Оки северо-западнее Тулы с целью использования этого района в качестве района расквартирования войск на зиму».

5 декабря Гальдер понимает, что переоценил способность к наступлению своих войск с севера на Москву: «Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина».

8 декабря, на 170-й день войны, Гальдер в полосе группы армий «Центр» вновь выделяет Калининское направление: «Обстановка здесь по-прежнему напряженная. Я считаю этот участок фронта самым опасным, так как здесь у нас нет никаких войск во второй линии». В остальном, по оценке немецкого генерала, «события развиваются удовлетворительно».

Дальнейшие дневниковые записи Гальдера уже сквозят недоумением по поводу неизвестно откуда появившихся свежих русских стрелковых и кавалерийских соединений, танковых бригад на Калининском, Западном и Юго-Западном фронтах. Красная Армия заставила немцев начать отступление.
Тыл поверил в скорую победу

На Камчатке об успешном контрнаступлении Красной Армии под Москвой узнали утром 12 декабря. «Проснувшиеся» после ночного молчания репродукторы передали знаменитую сводку Совинформбюро, начинавшуюся словами: «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы!»

Слова Юрия Левитана, транслируемые из Свердловска, где с осени 1941 года находился Всесоюзный радиокомитет, через Хабаровск из-за помех становились иногда едва различимы, но у слушателей не возникало сомнений, что на советско-германском фронте произошло что-то большое и радостное. Гитлеровская военная машина, не зная до сего дня стратегических поражений, начала вынужденное отступление почти по всей линии фронта.

Спустя несколько дней жители области из «Камчатской правды», опубликовавшей сводку, узнают о первых освобожденных войсками генералов Лелюшенко, Кузнецова, Рокоссовского, Болдина городах Подмосковья, Калининской и Тульской областей – Рогачёве, Яхроме, Солнечногорске, Истре...

16 декабря Красная Армия освободит первый из захваченных гитлеровцами советских областных центров – Калинин, которому ныне вернули историческое название – Тверь.

Сотрудники УНКВД по Камчатской области в оперативных документах фиксировали настроения жителей полуострова после сообщения о победе Красной Армии под Москвой. Я не возьму на себя смелость утверждать, что позитивные чувства выражали все. Работник конного двора Петропавловского совхоза Панкрат Харченко не верил, что столицу удалось отстоять: «Врут коммунисты, взяли немцы Москву. Сталин уже за Волгу убежал».

Но подобные настроения всё же имели характер уникальный. Превалировали другие чувства. Стахановец токарь Петропавловской судовой верфи Михаил Субботин, узнав о контрнаступлении под Москвой, по не самой изысканной российской традиции, касающейся реакции и на приятные новости, и на печальные, отправился в пивную поселка Индустриальный. Там рабочий щедро угощал посетителей «за гибель Гитлера, за то, чтобы плясать на его костях».

Директор средней школы № 4 Мария Морозова в разговоре с учителями поделилась мнением, что Гитлер повторит участь Наполеона, «который до Москвы дошел, а потом сгинул, окаянный. Немца та же дорога ждет».

Да, после поражения гитлеровцев под Москвой на скорую победу над врагом надеялись

не только обыватели. В Кремле и Генеральном Штабе РККА считали, что вермахт начнет поспешное отступление по всему фронту вплоть до западных границ СССР. Нельзя сказать, что высшее стратегическое руководство Советского Союза уже забыло о едва не завершившихся катастрофой трагедиях, с которых начиналась битва за Москву, но эйфория одержанных побед вселяла неоправданную надежду на полную победу в наступающем году.

И, если Ставка пребывала в плену иллюзий, то чем ближе к передовой, тем меньше верилось в скорое окончание войны. Темпы наступления наших войск ослабевали, сопротивление немцев усиливалось. Этому периоду посвящено одно из самых пронзительных произведений о войне стихотворение поэта-фронтовика Семена Гудзенко.

Помните? «Будь проклят сорок первый год, ты, вмерзшая в снега пехота... Но мы уже не в силах ждать, и нас ведет через траншеи окоченевшая вражда, штыком дырявящая шеи». И эта ненависть к врагу начиналась в болотах Белоруссии, под Киевом и окончательно сформировалась в брянском и вяземском котлах, с которых начиналась битва за Москву...

Когда ошибается разведка...

30 сентября 1941 года вечерняя сводка Совинформбюро сообщила об оставленной Красной Армией Полтаве. Уманский, а затем и киевский котлы оголили южное и юго-западное направления советско-германского фронта. Резервы, снятые в том числе с ленинградского и московского направлений, смогли закрыть огромную брешь на Украине, но облегчили задачу немецким дивизиям, наступавшим в центре и на северо-западе. Гитлеровцы незаметно для советской стороны сформировали ударные группировки перед полосами обороны Брянского и Западного фронтов.

Еще трудно было уловить в лязге бронированных соединений 24 и 47 механизированных корпусов вермахта, начавших наступление на Орел и Брянск утром 30 сентября, окончательный крах немецкого блицкрига. Наоборот, тогда казалось, что именно Советский Союз как никогда близок к поражению. Во всяком случае в Берлине надеялись в самом скором времени провести военный парад в Москве, чтобы затем превратить древний прекрасный город в руины и похоронить его под волнами разрушенных водохранилищ.

30 сентября и стал первым днем битвы за столицу. Вторая танковая группа генерала Гейнца Гудериана, переименованная 5 октября в армию, наносила удар по войскам Брянского фронта в общем стратегическом направлении через Тулу на район восточнее Москвы. На других участках центрального направления немцы пока не предпринимали активных действий...

Ставка справедливо считала, что наступившую после завершившегося 10 сентября Смоленского сражения на центральном участке советско-германского фронта оперативную паузу гитлеровцы используют для подготовки масштабного наступления на столицу.

Советской стороной предпринимались активные контрмеры. Войскам, прикрывавшим дальние подступы к Москве, выделялось более 40 процентов пополнений и резервов. 27 сентября специальной директивой Ставки командующие фронтами и армиями извещались о том, что немцы на центральном участке фронта готовы в ближайшее время перейти в наступление, давались указания по организации надежной обороны. Но, как часто случалось в 1941 году, директива не учитывала реальной расстановки сил.

В составе трех советских фронтов, прикрывавших московское направление – Брянского, Западного и Резервного, к концу сентября 1941 года насчитывалось 1 250 тысяч человек, 7 600 орудий и минометов, 1 044 танка. Военно-воздушные силы фронтов состояли из 558 самолетов различных типов, к ним уже в первые дни сражения добавилось 368 бомбардировщиков дальней авиации, 423 истребителя и 9 разведчиков авиации ПВО страны. Войска занимали оборону на хорошо, по меркам 1941 года, подготовленных в инженерном отношении эшелонированных рубежах.

К операции по захвату Москвы, получившей название «Тайфун», гитлеровцы привлекли 1 800 тысяч человек, около 14 тысяч орудий и минометов, 1 700 танков и свыше 1 300 самолетов. Но даже при таком соотношении сил и средств советское командование могло рассчитывать на успешные оборонительные действия. Тем более что началась переброска стрелковых и танковых соединений РККА с Дальнего Востока на запад, продолжалось формирование свежих стрелковых дивизий и танковых бригад на Урале, в Поволжье, Сибири и Средней Азии, которым еще предстояло сказать свое веское слово в битве за Москву.

Ставка к концу осени планировала накопить серьезные стратегические резервы, концентрированный ввод которых, по расчетам Генерального штаба РККА, мог отбросить гитлеровцев за сотни километров от Москвы. Но благоприятное развитие событий становилось возможным при одном важнейшем условии: армии центрального направления должны устоять под ударами немцев и не позволить себя окружить. Для устойчивой обороны требовалось не только располагать необходимыми силами и средствами, но и предугадать место и время наступления противника.

На основе данных разведки Генштаб РККА, которым руководил маршал Борис Шапошников, считал, что немцы для наступления на столицу нанесут главный охватывающий удар вдоль шоссе Смоленск – Москва. Дорога, проходящая через Вязьму, являлась кратчайшим путем к столице, к тому же магистраль представлялась чрезвычайно удобным направлением для немецких танков, не приспособленных к русскому бездорожью и распутице.

На этом участке фронта оборону занимала 16-я армия генерала Константина Рокоссовского, который уже в первые месяцы войны зарекомендовал себя как выдающийся командир. По обе стороны от магистрали создавалась высокая плотность войск. Вблизи от шоссе концентрировались основные резервы Западного фронта. В полосе обороны 16-й армии велись наиболее интенсивные инженерные работы. Для прикрытия дороги Ставка отправила в район Вязьмы значительные силы артиллерии, даже морские стационарные пушки.

Немцы, в отличие от советской стороны, хорошо знали районы сосредоточения основных сил Красной Армии. И планировали охватывающие удары по их флангам. Наша разведка планов противника не вскрыла.

Владимир СЛАБУКА
(Продолжение следует)